

Т.А. Гуриев

ТОПОНИМЫ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Поражает пестрота топонимических названий в Северной Осетии: здесь мы обнаруживаем редкое собрание топонимов, весьма различных по своему происхождению, что объясняется, прежде всего, географическим положением этой горной страны. Кавказские горы издавна служили убежищем для всех тех народов, которые «по историческим обстоятельствам искали защиты от нападений более сильных народов, для всех тех, которые были оттеснены к югу и попали как бы в тупик, в пространство, которое обведено естественными труднопреодолимыми границами» [12, 195]. Сюда уходили остатки многих разгромленных в степной и предгорной зоне племен, весьма различных по языку, культуре, антропологическому типу и т.д. Кроме того, необходимо учитывать выгодное положение Осетии, с древних пор привлекавшее внимание многих повелителей воинствующих племен.

Все это привело, в частности, и к тому, что в топонимике Осетии выявляются элементы десятков языков. Имеется также довольно значительная группа топонимов, которые при теперешнем состоянии науки вообще не поддаются объяснению. Надо полагать, что объяснить какую-то часть этих загадочных названий будет очень сложно, так как в них могли отложиться лексические элементы исчезнувших языков давно ассимилированных народов.

Мы рассмотрим несколько интересных случаев отражения монгольского влияния на топонимику Осетии.

Прежде всего необходимо отметить двоякий характер этого влияния: непосредственное и через осетинский язык. Эта двойст-

венность, несмотря на некоторую нечеткость и относительность, имеет важное методическое значение. Когда мы говорим о непосредственном влиянии монгольского языка на формирование топонимики Осетии, мы имеем в виду такие названия, которые состоят из монгольских элементов и фактически не этимологизируются жителями данного края, т.е. являются тополексемами, «ничего иного не обозначающими, кроме объектов, за которыми закрепились» [19, 36-37]. В центре нашего внимания должны быть именно такие тополексемы монгольского происхождения. И, наоборот, мы не будем рассматривать топонимы, образованные из осетинских слов монгольского происхождения. Например, при помощи слова *адаг* 'балка', 'овраг', 'низина', 'русло' и т.п., восходящего к монгольскому *адаг* 'устье', 'низовье' и т.п., образованы десятки названий. Оно и в наши дни служит для образования все новых и новых топонимов. И, разумеется, такие названия непосредственного отношения к теме нашей статьи не имеют.

Одним из наиболее интересных названий является Нар. Эта тополексема встречается как название горных аулов в Дигории. Кроме того, этот элемент входит в названия ущелья, реки, местности и т.д.; ср. *Нар* – название местности, *Наргом* 'ущелье Нар', *Нары-дон* 'река Нар' (впадает в р. Ардон). Тот факт, что данный топоним встречается в районах обитания носителей иронской и дигорской речи, не может быть случайным. Видимо, в Алании (прежнее название страны аланов-осетин) присутствовал этнический элемент, на языке которого *нар* имело определенное значение. Со временем этот этнос растворился в местной среде, топоним перестал быть понятным и превратился в тополексему. В свое время В.И. Абаев объяснил это название из монгольского *нара* 'солнце' и, стало быть, *Нары хг̃ау* значит «Аул солнца» [3, 90].

Нас не может не заинтересовать слово *нарон* 'нарец'; оно выходит за пределы соответствующего морфологического ряда, являясь своего рода исключением. В осетинском языке термины, обозначающие жителя или выходца из того или иного места, всегда образуются при помощи суффикса *-аг*. Данное правило универсально и, кажется, не знает исключения, кроме указанного. Ср.

например: *Лац* 'Лац' (название аула) – *лацаг* 'лаец', *Хъобан* 'Кобань' (название аула) – *хъобайнаг* 'кобанец', *Захъа* 'Зака' (название аула и местности) – *захъа-й-аг* 'закец', *Куырттат* 'Куртат' (место в горах) – *куырттатаг* 'куртатинец' и т.д.

Можно было бы слово *нарон* сопоставить по формальному признаку (суф. *-он*) с несколькими словами, обозначающими племя или народ; ср. *ирон* 'ирец', 'осетин', *дыгурон* 'дигорец', *касгон* 'косог', 'кабардинец', *махъалон* 'маколец', 'ингуш'. Однако указанными примерами исчерпывается список слов на *-он*, обозначающих племенную принадлежность или происхождение. Во всех прочих случаях осетинские этнонимы имеют на конце суффикс *-аг*. Ср.: *асиаг* 'асинец', 'балкарец', *сомихаг* 'сомихец', 'армянин', *гуырдыаг* 'грузин' и т.д. Следует также учесть, что в исторических документах мы нигде не находим упоминания о племени с таким названием.

Можно полагать, что *Нарон* < *наран* является изначальной формой. Таким образом мы приходим к монгольскому *наран* 'солнце', конечное – *-ан* совпало с алаано-осетинским суффиксом *-ан-он*. Это привело к деэтимологизации данного слова, теперь уже имеющего «внутреннюю форму». Как видим, топоним Нар восходит к *Наран* > *Нарон*, а не наоборот.

Очень интересным топонимом является Даргавс (осет. *Дӕргъӕвс*). В Даргавсе располагается, в частности, уникальнейший памятник средневековья – некрополь, состоящий из нескольких десятков хорошо сохранившихся склеповых сооружений. Некрополь Даргавс – это целый комплекс неразрешенных задач. В научной литературе высказаны различные, подчас исключаящие одна другую, гипотезы о происхождении, датировке и архитектурном стиле склеповых сооружений Даргавса.

В прошлом веке были сделаны попытки этимологизировать название Даргавс. Доктор В. Пфаф считал, например, что оно повторяет название древнего города Тархонитис близ Дамаска в Сирии и обозначает «Судейский город» [15,97]. Предположение В. Пфафа не находит никакого исторического подтверждения, не говоря уже о невозможности *даргъавс* < *тархонитис*. Несостоя-

42

тельной оказалась и попытка графини Уваровой объяснить данное название из осетинского *дуаргъдс* 'привратник', защитник [ущелья]' и т.п. [20,104].

Мы уже писали о нашем опыте объяснения загадочного топонимического названия Даргъавс [7]. Мы усматриваем в данном топониме монг. *daruga* > *darga* 'начальник', 'предводитель', 'староста' и т.д. и *avs/avs* 'гроб' и т.д. Никаких фонетических препятствий для *daruga darga + avs = dargavs (даргъавс)* мы не видим. Данная этимология не противоречит и экстралингвистическим фактам. В Даргавсе расположены известные гробницы, внушительные размеры и тщательная отделка которых подсказывают, что перед нами не рядовые захоронения, а усыпальницы для неизвестных нам представителей привилегированных сословий [10; 6]. Нельзя игнорировать и тот факт, что местность Даргавс изобилует могильниками, наиболее ранние из которых датируются VII в. [16,98]. По нашему мнению, название Даргавс первоначально принадлежало только некрополю (или другим могильникам), а затем перенесено на местность, ущелье, близлежащий аул. Мы можем только строить догадки, почему данная местность носит монгольское название, а не осетинское.

Достоверно известно, что предводители аланов-осетин на монгольской службе носили титул дарга. Например, в начале XIV в. аланский военачальник Фодим был назначен дарга. По этому поводу у Ю.Н. Рериха сказано: "Fou-din fut nomme «Darga» ou chef d'etat major du flanc droit du corps d'armee de la Garde des Alanes" [23,245].

Возможно, в данной местности была выстроена гробница (или гробницы) для аланских предводителей, состоявших на службе у монголов. Такое предположение не беспочвенно. Монгольские правители не игнорировали существовавших народных обычаев; они ловко использовали их в своих целях. В данном случае это относится и к аланскому обычаю хоронить на родине всех умерших или погибших в далеких странах. История донесла до нас любопытное известие об одном таком историческом прецеденте, хотя подобных случаев, было, несомненно, много. Из хроники вре-

меня нашествия монгольских войск в Аланию узнаем, что правитель (один из князей) этой страны Арселан после поражения вместе с сыном Асландженом явился в лагерь к победителю и изъявил свою покорность. Монгол выдал Арселану грамоту на управление народом Асу, но половину войска Арселана забрал себе в гвардию, а остальную половину оставил при нем для защиты его владений. Асланджен был взят ханом Мангу, но вскоре был убит в сражении с возмущившимися войсками Шерхью (?). Мангу приказал бальзамировать его тело и отправить на родину [8,72]. Надо полагать, что этот аланский (асский) дарга был похоронен с большими почестями. Монгольский хан знал обычай аланов-асов и построил на этом свой расчет. Благодарный царь аланов, услышав о смерти своего сына, сказал: « Старший сын мой рано погиб, не успев сослужить службу императору. Вот второй мой сын, Негулай, предлагаю его Вашему величеству » [8,73].

Мы не утверждаем, что в Даргавсе покоятся останки именно Асланджена, хотя нельзя исключать и такую возможность. Поскольку большинство феодалов (алдаров) перешло на сторону монголов и на монгольской службе оказались десятки тысяч аланских воинов, постольку можно думать, что похороны асских дарга в Алании были не редкостью. Поэтому не удивительно и наличие данного топонима в Осетии [6].

Унал – название горного аула, расположенного по дороге в Нар, рассматривается как явный монголизм, оно не отделимо от монгольского *unal* > унал ‘падение’, ‘упадок’ и т.п. Можно думать, что название этого горного аула наследует название местности. Вообще месторасположение аула Унал вполне оправдывает свое название: ясно видны следы земляного обвала и наносов. Монгольскому *unal* в осетинском часто соответствует *лабырд*, слово, многократно встречающееся в топонимике горной Осетии.

Тюрко-монгольские элементы ярко представлены в топонимах района древнего города Татартуп, у выхода реки Терек в степную зону. Впрочем, этого и следовало ожидать, так как здесь находился крупный культурный центр Алании, который в течение долгого времени был местом пребывания монгольских полковод-

цев и даже ставкой ханов Золотой Орды [17,15-16]. Уже один факт переименования древнего аланского города в Татартуп, где легко выделяется этноним татар, свидетельствует о сильном татаро-монгольском влиянии в этом районе. Бывший город Татартуп расположен на левом берегу реки Терек. Если на одном берегу реки местность и городище связывались с этнонимом татар, то не исключается, а скорее предполагается, что где-то вблизи должно было существовать другое поселение, в названии которого отложился этноним другого племени. Такой топоним действительно имеется: на правом берегу реки Терек мы находим название Елхот, состоящее из этнического названия *ел/ер* > *ир* 'осетины', 'иры', 'осетинский' [5,124] и монг. *хот* 'город', 'стойбище' и т.п. Л.И. Лавров полагает, что первая часть названия Елхот – *ел/эл* – означает на языке балкар «селение» [11,210]. Для элемента *хот* автор объяснения не дает. Принятию гипотезы Л.И. Лаврова мешает вариант этого названия в Южной Осетии – Ерхот – и распространенность элемента *ер* в ряде топонимических названий; ср., например, Ерман, Ехцъо и др.

Если наше разъяснение топонима Елхот верно и состоит из самоназвания осетин – иронцев и монгольского *хот*, то значение всего топонима будет 'ерское, осетинское селение'. Данное разъяснение не лишено географичности: на одном берегу реки расположился татарский стан, а на противоположном – ерское селение. Можно было бы предложить монгольское объяснение и для элемента *ел/ер* в Ел-хот, однако по указанным выше соображениям более предпочтительно связать его с самоназванием осетин-иронцев. Это тем более вероятно, что все топонимические названия с элементом *ел/ер* локализируются в районах обитания носителей иронской диалектной речи.

Из прочих топонимов данного района наиболее интересными представляются *К̄ардзын* – Карджин и *Б̄ар̄й̄ зуын* – Барагун. Название *Кардзин* (Карджин) напоминает топоним монгольского происхождения *Kardchin*, отмеченный профессором В. Минорским в Курдистане и связываемый с монгольским собственным именем [22,77] /Полагаем, что топоним Кардзын не имеет отношения к слову *к̄ард-*

зын 'хлеб не-пшеничный' (ячменный, кукурузный, просяной и т.д.)/. Перед нами два омонима. Впрочем, топоним *К̄ардзын* может восходить и к *гар-зуун* 'восточная сторона' (см. ниже).

Б̄ар̄а̄гзуын (Барагун) первоначально принадлежал местности у реки Терек, а совсем недавно, в начале 20-х годов, название *Барагзуын* приняло новое селение. (Иначе оно называется «Красногор».)

Топоним *Б̄ар̄а̄гзуын* не этимологизируется на материале осетинского и соседних языков, но он не отделим от монгольского *baragun* > *baruun* в значении 'правый', 'западный' [4,238]. Местность получила это название, по всей вероятности, в монголоязычной среде. Не может быть сомнения в том, что значение этого топонима связано с местом расположения относительно реки Терек. Но дело в том, что местность *Б̄ар̄а̄гзуын* расположена не на правом берегу реки, а на левом, хотя и на западном. Как же в таком случае оправдать данное топонимическое название? Нет ли здесь противоречия?

Для правильного разрешения кажущегося противоречия нам необходимо обратиться к другим фактам. Прежде всего укажем, что топонимическое название Барагун > *Баруун* многократно встречается на карте Монголии [21,132-133].

Следует учесть, что монгольские племена имеют свое понятие лицевой стороны, не совпадающее с соответствующим понятием у европейцев. Монголы имеют «южную ориентировку». что создает специфическую «синонимичность понятий» [13,31].

Известный русский путешественник и исследователь XIX в. Н. Пржевальский писал по поводу понятия лицевой стороны у монголов: "Из обычаев монголов путешественнику резко бросается в глаза их обыкновение всегда ориентироваться по странам света, никогда не употребляя слов «право» или «лево», словно эти понятия не существуют для номадов. Даже в юрте монгол никогда не скажет, с правой или левой руки, а всегда на восток или на запад от него лежит какая-либо вещь. При этом следует заметить, что лицевую стороною у номадов считается юг, но не север, как у европейцев, так что восток приходится левою, а не правою стороною

горизонта" [14,44-45]. В данном факте отразилась многовековая традиция скотоводческого племени, в частых передвижениях которого единственным ориентиром служило солнце в зените.

В свете сказанного становится совершенно ясным, почему рассматриваемый топоним закрепился за местностью на западном берегу реки Терек. Не исключено, что название Барагун имело характер противопоставления топониму, отражавшему понятие «восток», «восточная сторона». В этой связи считаем возможным обратить внимание на топоним *К̄ардзын*, о котором писалось выше. Возможно, *К̄ардзын* восходит к *gar-zuun* > *гар-зуун* из *зуун-гар* ‘левая рука’, ‘восточная сторона’. Подобная перестановка частей слова не может быть исключена (ср., например, *Х̄андзаргас* ‘Кандзаргас’ из *Х̄ан-Ченгес* ‘Чингизхан’. По мнению В.А. Абаева, перестановка частей слова отвечает нормам того времени [2,46]. Если бы наше предположение оказалось верным, то мы бы получили еще одно поразительное подтверждение долговечности и мотивированности топонимов: на одной стороне реки местность носит название *Б̄ар̄г̄уын* ‘западная сторона’, а на противоположном – *К̄ардзын* < *гар-зуун* из *зуун-гар* ‘восточная сторона’.

В любом случае, значение топонима Барагун говорит о монгольском влиянии. Нельзя не согласиться с Ю.А. Карпенко в том, что семантика топонимического названия, признак, по которому дается наименование, слово, образующее топоним – «это все существенно для населения лишь в момент образования, рождения топонимического названия. Затем эта семантика из топонимического названия быстро выветривается» [9,48].

Поскольку топоним Барагун не связан в сознании осетинского населения с понятием «запад», «западная сторона», и вообще не имеет никакого иного значения, кроме топонимического, постольку приходится рассматривать его как тополексему. Это значит, что осетинское *Б̄ар̄г̄уын* имеет с монгольским *барагун* ‘запад’, ‘западная сторона’, ‘правая’ лишь этимологическую связь, т.е. оно фактически перестало быть тождественным самому себе, своему первоначальному содержанию. Факт потери своего первоначального значения и превращения названия в тополексему ос-

лабляет не только данное топонимическое название, но полностью игнорирует его связи с другими топонимами, с которыми оно было связано. Вообще исчезновение первоначального значения делает топоним неустойчивым, и, следовательно, подверженным замене или изменению. Такую участь могла иметь и гипотетическая тополема *зуун-гар >гар-зуун* (> *Кардзын?*), которая могла быть в употреблении в момент появления *Бәрәгзуын*.

Монгольское *gonggor* 'впадина', 'котловина' отложилось в топонимическом названии *хзонгзур адагӕ* 'конгур овраг', служащем обозначением пастбища недалеко от Задалеска в Западной Осетии [5, 96]. *Хзонгзур* в настоящее время не входит в словарь, и мы можем полагать, что указанный топоним появился в средние века. Второй компонент *Хзонгзур адагӕ* также монгольского происхождения, но появление его в данном сочетании кажется избыточным. Не исключено, что слово *хзонгзур* было в периферии осетинского словаря, но со временем было забыто, это могло вызвать необходимость в поясняющем слове *адагӕ* 'балка', 'овраг', 'низина' и т.д.

Как видно из изложенного, топонимические названия монгольского происхождения отмечаются в разных районах Северной Осетии, в том числе и в высокогорных.

Эти факты наряду с отражением монгольского влияния в осетинской фамильной номенклатуре, лексике, фольклоре и т.д. свидетельствуют о глубине алано-монгольских контактов, а также о присутствии монголоязычного элемента в Осетии, ассимилированного в местном алано-осетинском этносе.

Л и т е р а т у р а

1. Абаев В.И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.-Л., 1958.
2. Абаев В.И., Историческое в нартском эпосе, — «Нартский эпос», Дзауджикау, 1949.

3. Абаев В.И., Нартский эпос, – «Известия СОНИИ», Орджоникидзе, т. X, 1945.
4. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.
5. Гуриев Т.А., Несколько замечаний об этническом термине «ig», – «Известия СОНИИ», Орджоникидзе, т. XXIII.
6. Гуриев Т.А., Опыт объяснения топонима «Даргавс» в Северной Осетии, – «Ученые записки СОГПИ», Орджоникидзе, т. XXVII, вып. I.
7. Гуриев Т.А., Тюрко-монгольские элементы в топонимике Осетии, – журн. «Махдуг», 1964, № 5.
8. «Живая старина», СПб., 1894, № 1.
9. Карпенко Ю.Н., О синхронической топонимике, – «Принципы топонимики», М., 1964.
10. Кокиев Г., Склеповые сооружения горной Осетии, Владикавказ, 1928.
11. Лавров Л.И., Эпиграфические памятники Северного Кавказа, т. I, М., 1966.
12. Миллер В.с., Черты старины в сказаниях и быте осетин, М., 1882.
13. Мурзаев Э.М., Основные направления топонимических исследований, – «Принципы топонимики», М., 1964.
14. Пржевальский Н.М., Монголия и страна тангутов, т. I, СПб., 1875.
15. Пфаф В.Б., Этнологические исследования об осетинах, – «Сборник сведений о Кавказе», т. II, Тифлис, 1872.
16. Ичелина Е., Крепость Зильде-Машиг, – СЭ, М.-Л., 1934, № 3.
17. Семенов Л.П., Археологические разыскания в Северной Осетии, – «Известия СОНИИ», Орджоникидзе, т. XII.
18. Семенов Л.П., Татартупский минарет, Дзауджикау, 1947.
19. Серебренников Б.Н., О методах изучения топонимических названий, – ВЯ, 1959, № 6.

20. Графиня Уварова, Могильники Северного Кавказа, — «Материалы по археологии Кавказа», VIII, М., 1900.
21. Heissig W., Uber Mongolische Landkarten, T. 1, Peking, Vetch, 1944.
22. Minorsky V., Mongol place-names in Mukri-Kurdistan, — “Mongolica”, 1957, № 4.
23. Roerich G., Le troupes alanes a l'epoque mongole, — Ю.Н. Рерих, Избранные труды, М., 1967.

Библиографические сокращения

- ВЯ — «Вопросы языкознания».
- СОГПИ — Северо-осетинский государственный педагогический институт.
- СОНИИ — Северо-осетинский научно-исследовательский институт.
- СЭ — «Советская этнография».